

в грамматике он сам по себе явно недостаточен. Сейчас попытки свести грамматику к замкнутому «царству форм» обычно ведутся под флагом «относительной самостоятельности» самой грамматики и самого языка в целом. Но грамматике от этого не легче: она обедняется и в случае прямого сведения ее категорий к «чистым формам», и в случае признания за всеми ее категориями «относительной самостоятельности», так как, опираясь на подобное признание, исследователи затем «со спокойной совестью» продолжают изучать грамматику только формально. Между тем тезис об относительной самостоятельности грамматики (сам по себе бесспорный) на мой взгляд, окажется плодотворным лишь тогда, когда, сосредоточив внимание лингвиста на грамматических формах, этот же тезис поможет затем выявить сложную, нередко противоречивую и многоаспектную, функциональную и содержательную специфику грамматических форм. Здесь вспоминается еще раз Гегель, любивший подчеркивать: за формой всегда таится «что-то более существенное». Вот это «более существенное» лингвисты должны (на мой взгляд — обязаны) выявлять и в грамматике.

Я глубоко убежден в ошибочности утверждения, согласно которому, «когда дело доходит до грамматических форм, Платон равен македонскому свинопасу»¹⁶. «Афоризмы» подобного рода выводят грамматику за пределы самого понятия развития и тем самым оказываются антиисторическими и, на мой взгляд, антинаучными. Они всё сводят к уже упомянутому «коловоращению форм» в грамматике.

«Растягивать всё сущее на одр формализма, — великолепно писал в свое время А. И. Герцен, — не трудно для тех, кто не внемлет никакому протесту со стороны сущего. Профаны дивятся иногда, как самые странные факты, чрезвычайные явления легко покоряются у формалистов общим законам, а между тем чувствуют, что при этом сделан какой-то фокус — изумительный, но неприятный для того, кто ищет добросовестного и дельного ответа. Формалистов, с грехом пополам, можно оправдать только тем, что они себя первых обманывают своими фокусами»¹⁷. Здесь все звучит необычайно актуально, в особенности замечание о том, как легко у формалистов факты «покоряются общим законам» с помощью различных фокусов.

Грамматический уровень любого языка определяется не только типологически, но и исторически. Этого нельзя забывать. Между тем у нас до сих пор почти совсем нет подлинно исторических исследований в области грамматической типологии. И их не будет до тех пор, пока находятся лица, пугающие лингвистов призраком «возрождающегося марризма». Это вздорные опасения. В 1973—1974 гг. они могут вызвать только улыбку. В наши дни следует опасаться гораздо более реального противника — антиисторизма. К сожалению, многие лингвисты теперь настойчиво противопоставляют теорию и историю, несмотря на то что в самой науке о языке теория и история органически связаны. Теория вырастает из истории, а история в свою очередь обогащается в свете глубоко обоснованной теории. И все это нисколько не мешает синхронии сохранять свою специфику в отличие от диахронии.

У нас имеются ученые, которые считают, что прогресс науки — это прежде всего прогресс в «улучшении определения терминов». Такие ученые забывают, что можно дать прекрасное и непротиворечивое определение, например, падежа или предлога, но при этом не уметь исследовать ни падежей, ни предлогов в тех или иных конкретных языках. Прогресс лингвистики надо видеть не столько в прогрессе дефиниций, оторванных от

¹⁶ Sapir E. Language, Ottawa, 1921, p. 234 (в русском переводе это место передано не совсем точно: С е п и р Э. Язык. М., 1934, стр. 172). Позднее тезис Сепира (незначительными вариантами много раз повторялся разными учеными).

¹⁷ Герцен А. И. Избранные философские произведения. М., Госполитиздат 1948, т. 1, стр. 82 (приведенный фрагмент — из знаменитой работы автора «Дилетантизм в науке»).